

Хань Чжоу перерезал скотч ножницами и, подняв голову, с вызовом спросил:

— Что значит «вышел из загона»? Считаешь меня свиньёй? Не хочешь больше жить вместе?

Цзинь Шуань, сидя с ногой на ноге, вздохнул:

— Я сейчас просто существую, как-то перебиваюсь.

— Почему ты всё ещё такой наглый, старик? Ты вообще понимаешь, что происходит? — Хань Чжоу подтолкнул к двери две большие коробки с едой, затем зашёл в ванную помыть руки.

Выйдя, он сунул свои холодные ладони под воротник Цзинь Шуаня. — Не зря ты был одинок столько лет. Только я могу тебя терпеть. Теперь я чувствую, что связался с древним черепахом, который упал мне на голову. Кто с кем мирится, ты вообще понимаешь?

— Что поделаешь, если упал на голову, — Цзинь Шуань отложил телефон в сторону, взял холодные руки Хань Чжоу и посадил его к себе на колени.

Они целовались почти полминуты, после чего Цзинь Шуань отпустил его и шепнул ему в губы:

— Я, как товар, продан без права возврата.

— Фу! — Хань Чжоу покачал головой, затем с силой прижал его к кровати, продолжая свои непристойные шутки.

После того как они отправили посылку, они выбрали ресторан с местной кухней на ужин, а затем направились в аэропорт.

Перед вылетом Хань Чжоу получил звонок от Лу Е, который снова просил денег.

— Брат, я... не должен был тебя об этом просить, — голос Лу Е звучал особенно устало.

Он рассказал, что в их родном городе вспыхнула эпидемия свиней, и всех свиней, больных и здоровых, забрали и сожгли. Город выплачивал компенсацию около 1 000 юаней за каждую свинью.

Как гласит пословица: «Богатство в шерсти не считается».

Лу Е рассказал, что его семья, чтобы собрать деньги на первый взнос за квартиру, нашла покупателей на своих четырёх свиней, получив аванс в размере более 10 000 юаней. Теперь, когда свиней забрали и сожгли, они не смогут выполнить обязательства перед покупателями, которые уже понесли убытки из-за этой ситуации. Теперь они стоят у его дома и требуют деньги.

— Брат, я расскажу тебе всю правду. В прошлый раз, когда я покупал квартиру... я взял у тебя 40 000, у своего наставника — 20 000, плюс заём у друзей и родственников. В общей сложности — 98 000... — Голос Лу Е начал дрожать, он несколько раз сдерживал слёзы.

Он чувствовал себя обиженным, но, казалось, нашёл выход для своих эмоций, выпустив всё, что накопилось.

— ...Застройщик ещё не сдал квартиру, я сейчас снимаю жильё, половину дохода трачу на ипотеку, другую половину — на аренду и жизнь... Это просто... ах... просто нечем дышать...

— Хватит, хватит! — Хань Чжоу всегда избегал слушать такие тяжёлые истории.

Он сам переживал подобное, и теперь, вспоминая, ему становилось очень неприятно и тяжело.

Лу Е замолчал, прерванный Хань Чжоу. Он подумал, что тот раздражён, и его рука с телефоном внезапно сжалась, дыхание застряло в горле.

Стюардесса начала объявлять правила безопасности на борту. Хань Чжоу, потирая лоб, сказал в трубку:

— Ладно, я сейчас вылетаю. Пока есть время, я переведу тебе деньги. Остальное обсудим, когда вернусь. Успокой своих родителей, пусть не переживают.

Услышав это, Лу Е наконец почувствовал облегчение, но его обида стала ещё сильнее и горше. Он прислонился к дереву у входа в студию, слёзы текли по его лицу, и он повторял:

— Хорошо...

Хань Чжоу повесил трубку и перевёл Лу Е 20 000 юаней. Как только пришло уведомление от Alipay, стюардесса попросила его выключить интернет.

Хань Чжоу глубоко вздохнул. Слова Лу Е вызвали в нём воспоминания о прошлом, о тех временах до университета, которые теперь всплывали в его голове, как бурлящие волны. Хотя воспоминания о бедности уже не были полными, горький привкус тех дней оставался реальным и всё ещё сжимал его сердце.

Цзинь Шуань протянул руку и погладил его ухо, смотря с заботой.

Хань Чжоу откинулся на спинку кресла и смотрел на него, затем закрыл глаза.

Воспоминания — это как ящик с инструментами. Ты думаешь, что в нём всё необходимое, но когда нужно что-то найти, оказывается, что чего-то не хватает. Такое чувство незащищённости и отсутствия опоры может вызывать раздражение.

Через некоторое время Хань Чжоу опустил откидной столик рядом с креслом, взял бумажный пакет для мусора и быстро написал на нём:

«Воспоминания из прошлого отрывочные, не могу вспомнить, неприятно».

Цзинь Шуань взял пакет, посмотрел на него, затем тоже опустил столик и написал:

«Прошлое осталось в прошлом. Поглажу по голове».

Хань Чжоу:

«Обидно, хочу обнять».

Цзинь Шуань:

«Обнимемся после вылета».

Хань Чжоу:

«Как обнимемся?»

«Как обнимемся?» Цзинь Шуань взял пакет и задумался. Ему показалось, что тон Хань Чжоу был странным, и это выглядело как начало чего-то интимного.

Он покачал головой, удивляясь, как быстро этот парень восстанавливается. В то же время он с грустью подумал, что за внешней силой Хань Чжоу скрывается хрупкость, иначе ему не пришлось бы разделять свою личность, чтобы выжить.

Цзинь Шуань написал под его ответом:

«Обнимемся, как ты захочешь».

Хань Чжоу:

«Тогда давай обнимемся перед зеркалом. Я хочу повесить зеркало на потолок в спальне».

Цзинь Шуань начал фантазировать:

«... Поставь в гостевой комнате. Если хочешь посмотреть на себя, иди туда. Иначе проснёшься и испугаешься».

Хань Чжоу, опершись на руку, смотрел на Цзинь Шуаня с хитрой улыбкой:

«А ещё поменяем кровать на железную, чтобы можно было привязать руки».

Цзинь Шуань:

«... Ты что, вчерашними связями увлёкся?»

Хань Чжоу:

«Когда вернёмся домой, ещё неизвестно, кто кого свяжет».

Цзинь Шуань:

«Попробуем».

Хань Чжоу взял бумагу, нарисовал очень непристойную рожицу и передал её обратно.

Цзинь Шуань:

«Теперь можешь говорить нормально? На этом пакете уже нет свободного места».

Хань Чжоу мельком взглянул на стюардессу, которая шла в их сторону, и быстро написал:

«Не могу, впереди учитель. На уроках нельзя разговаривать».

Он передал бумагу Цзинь Шуаню, прикрывая её рукой. Цзинь Шуань прочитал и молча покачал головой. Новая ролевая игра началась.

Цзинь Шуань:

«В каком мы сейчас классе?»

Хань Чжоу:

«В десятом! Ты что, забыл? Думаешь, если за тобой ухаживает хулиган из параллельного класса, ты можешь зазнаваться и бросать меня?»

Цзинь Шуань с улыбкой покачал головой, сложил пакет, открыв чистый участок бумаги, и написал:

«Нет, просто я не хочу рано начинать отношения. У меня строгое воспитание».

Хань Чжоу:

«Ладно, Цзинь Сяоань, держись! После уроков не уходи! В этом мире нет мужчины, который сможет бросить меня, Хань Хуху!»

Они добрались домой уже под утро. Хотя они обычно ложились спать поздно, сегодня, вероятно, из-за поездки, Хань Чжоу чувствовал себя особенно уставшим. Придя домой, он лёг на кровать и сразу уснул.

Этой ночью ему снова снился пожар. Но на этот раз всё было иначе. Раньше огонь охватывал всё вокруг, а теперь перед ним был только один огненный шар, катающийся по земле. Чёрный дым, поднимающийся от шара, попал в глаза Хань Чжоу, вызывая сильную боль. Крики, исходящие из огненного шара, достигали его сердца, вызывая мучительную боль.

Цзинь Шуань проснулся от плача Хань Чжоу. Он быстро перевернулся, включил свет у кровати и увидел, что лицо Хань Чжоу было в слезах.

Он испугался, схватил Хань Чжоу за руку и начал его трясти.

— Дорогой, ты видишь кошмар, проснись!

— Хань Чжоу, это я, Цзинь Шуань. Не спи, проснись, ты видишь кошмар, не бойся, всё это не настоящее, проснись!

Метод Цзинь Шуаня сработал. Глаза Хань Чжоу медленно открылись.

Эмоции в его сердце ещё не утихли. Он всё ещё плакал, его тело дрожало, а простыня была мокрой от пота. Он протянул руку, и Цзинь Шуань обнял его, прижав к себе.

— Всё в порядке, я здесь. Ты видел кошмар, испугался, но всё прошло, не бойся, я здесь... — Цзинь Шуань гладил его по спине, утешая, как ребёнка, с бесконечной нежностью и терпением.

Плач Хань Чжоу постепенно превратился в тихие всхлипывания. Его страх понемногу уходил, но в то же время брови Цзинь Шуаня сжимались всё сильнее, а в глазах росла тревога.

Хань Чжоу уснул на плече Цзинь Шуаня, когда на улице ещё не рассвело. Когда он проснулся, было уже за десять утра.

Он быстро умылся, вышел из спальни и увидел, что к нему подошла тётя Сунь:

— Вы проголодались? На кухне всё готово, через десять минут можно будет поесть.